

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Язык ороков в качестве самостоятельного языка входит в состав южной группы тунгусо-маньчжурских языков. Будучи наиболее близким к языкам ульчскому и нанайскому по общему характеру своего морфологического строя, орокский язык все же значительно отличается от них рядом присущих ему особенностей.

Так, хотя с точки зрения морфологической классификации орокский язык наряду со всеми прочими тунгусо-маньчжурскими языками и является языком суффиксально-агглютинативным, все же агглютинация в нем проводится далеко не столь последовательно, как например в языке нанайском. В ряде случаев отдельные морфемы в слове четко не выделяются, границы между основой (или корнем) и суффиксом, а также между некоторыми рядом стоящими суффиксами провести бывает крайне затруднительно. Модификация основ и суффиксов происходит в силу наличия указанных выше фонетических закономерностей — регрессивной, прогрессивной и при этом часто полной ассимиляции, слияния согласных, стяжения гласных и, наконец, изменения гласных в силу губного притяжения. В качестве иллюстрации к сказанному приведем следующие примеры.

уттэри 'скажи' — повелительное наклонение будущего времени для 2-го л. ед. ч. от глагольной основы *ун-* 'сказать' может быть разложено следующим образом: *ун-* + суфф. *-сэри* > *ут-* + *-тэри* > *уттэри* > *утэри*. В данном примере имеем случай взаимной ассимиляции, а затем слияния согласных. Указанное видоизменение основы и суффиксов для глаголов с основой на *н* является постоянным.

соррүри — пассивное причастие от глагольной основы *сори-* 'драться, бороться, воевать' может быть разложено следующим образом: *сори-* + суфф. *-вури* > *соривури* > *соррүри*. В данном примере изменения в основе и суффиксе произошли в силу губного притяжения.

Случаи слияния морфем не ограничиваются единичными примерами, а закономерно охватывают определенные формы. Если

сравнить язык орокский с языками нанайским и ульчским по степени распространения в этих языках явлений фузивности, т. е. слияния отдельных грамматических элементов в слове, то можно нанайский язык отметить как язык, в котором словообразующие и словоизменяющие элементы нарастают в известном порядке, сохраняя всегда свое постоянное и определенное значение, и в своих звуковых сочетаниях не сливаются тесно ни с основой, ни между собой. В языке ульчей уже можно наблюдать явления слияния отдельных элементов, но все же далеко не в таком объеме, как в языке ороков. Такая постепенность данного явления в родственных языках дала возможность выявить в орокском языке ряд слившихся словообразовательных и словоизменяющих элементов.

Кроме форм с суффиксальным образованием, в орокском языке имеются также формы, образованные путем повторения основ: *гѣдара* 'однажды', *гѣдара-гѣдара* 'иногда'; *боло* 'осень', *болон-болон* 'каждую осень' и др.

Не чужд языку ороков и описательный способ образования форм. В качестве примера можно указать на обозначение множественного числа предметов с помощью слова *бара(н)* 'много', образование формы, выражающей отрицание обладания предметом (выражающей „необладание“), образование отрицательных форм глагола, а также ряд других форм.

В прилагаемом грамматическом очерке орокского языка слова с учетом их семантики, роли и места в словосочетаниях, участия в тех или иных словоизменяющих процессах распределяются по следующим грамматическим категориям: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, наречие, глагол (включая формы причастия, наклонения, деепричастия и пяти особых глагольных форм).

Деление это, основанное главным образом на семантическом признаке, прослеживается не только в словообразовании и словоизменении сгруппированных слов, но также и по их роли в предложении.

Что касается собственно структурно-морфологических особенностей орокского языка, то сопоставление сходных форм приводит к выводу, что в языке ороков от одних элементов тянутся связующие нити к языкам северной тунгусо-маньчжурской группы (это часто касается общих для всех тунгусо-маньчжурских языков моментов), от других (удельный вес которых больше) — к южной, а именно к языкам ульчскому и нанайскому. Так, склонение в орокском языке по количеству падежей, а также по звуковому составу падежных оформителей занимает как бы промежуточное положение между языками северной и южной группы, причем с последней (с языками ульчским и нанайским) его сближает большее число моментов, а именно отсутствие винительного-неопределенного падежа, наличие назначительного

падежа (дезигнатив) со сходным суффиксом, а также звуковое сходство ряда прочих падежных оформителей; с северной — главным образом форма исходного падежа и наличие совместного падежа.

Имя прилагательное орокского языка имеет много сходных черт с той же категорией в языках ульчском и нанайском. Это сказывается не только в общей этим трем языкам бедности словообразовательными элементами категории прилагательных, но также и в звуковой близости имеющих оформителей.

Кроме того, в противоположность языкам северной группы в языках ульчском, нанайском и орокском сравнительно широко применяется для обозначения признаков предмета сочетание, состоящее из наречия и глагола *би* (*кох-кох би* 'твердый').

По способу же согласования имен прилагательных с именами существительными язык ороков занимает промежуточное положение между языками эвенкийским и эвенским, с одной стороны, и ульчским и нанайским — с другой. Прилагательные орокского языка, как правило, не согласуются со своим определяемым словом в падеже, но согласуются в числе. Языкам северной группы — эвенкийскому и эвенскому — свойственно согласование и в числе, и в падеже, языкам ульчскому и нанайскому подобное согласование чуждо.

Некоторые своеобразные черты присущи орокским числительным и местоимениям. Так, в области количественных числительных орокский язык выделяется среди прочих тунгусо-маньчжурских языков наличием для единицы особого названия *йда* ~ *гэда*. Прочие отличия сводятся в значительной мере к ряду фонетических соответствий. По названию для сотни — *тангу* и для тысячи — *минга(н)* числительные орокского языка стоят в одном ряду с тунгусо-маньчжурскими языками южной группы.

Отсутствие включительного местоимения объединяет орокский язык в одну группу с нанайским и ульчским.

Личные и вопросительные местоимения орокского языка типологически сходны с ульчскими. Своеобразны лишь формы личных местоимений 1-го и 2-го л. мн. ч. в винительном падеже — *мумбэпу*, *сумбэпу*, а также формы личных местоимений 1-го и 2-го л. ед. ч. в именительном падеже — *бии*, *сии*.

В разделе глагольных форм обращает на себя внимание тот факт, что ряд глагольных образований имеет своей основой форму активного причастия настоящего времени, что имеет место и в нанайском языке (формы настоящего и прошедшего времени изъявительного наклонения), а также в ульчском (формы настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения). В орокском же языке, кроме тех форм изъявительного наклонения, которые отмечены для ульчского языка, от указанных причастий образуются также формы сослагательного наклонения и повелительная форма 1-го л. ед. ч.

Характерной особенностью словообразования в орокском языке является субстантивирование определенных групп имен прилагательных, количественных числительных, указательных местоимений, активных причастий с помощью суффикса *-не*, *-ни*, *-не*, *-ни* (восходящего к слову *нари* ~ *наи* ~ *ни* 'человек') и суффикса множественного числа *-сал*, *-сэл*.

Малочисленность живых словообразовательных элементов также сближает орокский язык с ульчским и нанайским, отдаляя от языков северной группы, в частности эвенкийского и эвенского.

Среди непродуктивных элементов в орокском языке имеются суффиксы одинакового звучания, но различного происхождения. Много омонимичных форм имеется и в словоизменении, особенно в притяжательных формах склонения.

В словаре орокского языка также обнаруживаются словоомонимы: *када* 'скала' и *када* 'заездок (для ловли рыбы)'; *удэ* 'область, местность' и *удэ* 'кабарга', и др.

Кроме того, для некоторых предметов в языке ороков имеется по два названия. Например: 'средний палец' — *талдау* и *кото*, 'богульник' (растение) — *сэнтурэ* и *сэккурэ*, 'бревенчатый домик на охоте' — *калаңари* и *утэми*, 'затылок' — *апаи* и *утуму*, 'луна' — *лою* и *бэ*, 'подмышка' — *хаваңи* и *хаңгэжэ*, 'сало' — *нэму* и *зотчо*, 'олений желудок' — *нумиссэн* и *нуңисэ*, 'лестница' — *токлу(н)* и *капачикку*, 'кожемялка' — *кэдэрэ* и *тотто(н)*, 'ремни у лыж' — *вэспэсэ* и *лапу*, 'кит' — *калема* и *кеңа*, 'выдра' — *дарам(н)* и *мудэ*, 'пестрая нерпа' — *оннори* и *иргала*, 'раб' — *бол* и *н'ака(н)* и др.

Это явление, возможно, связано с влиянием языков различных народов Приамурья и Сахалина.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

В орокском языке имя существительное выделяется из всех прочих частей речи прежде всего своей семантикой: все слова, относящиеся к имени существительному, обозначают предметные понятия. Синтаксические функции этой части речи очень многообразны, но наиболее типичными являются функции подлежащего, дополнения и определения по принадлежности.

Наиболее распространенными являются имена существительные со значением названия людей, животных, вещей, веществ, явлений природы. Например: *путтэ* 'ребенок', *бојо(н)* 'медведь', *итто(н)* 'корыто', *ајси(н)* 'золото', *су(н)* 'солнце', *хэду(н)* 'ветер', и т. д.

Разнообразный круг абстрактных идей, выражаемых именем существительным, по-видимому, значительно уже, поскольку в именах существительных орокского языка почти не встре-

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

Т. И. Петрова

**ЯЗЫК
ОРОКОВ
(УЛЬТА)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1967